
Библиотечка россиеведения. Выпуск № 11
Н.В. Минаева
Потаенные
КОНСТИТУЦИИ
РОССИИ

Нина Минаева

Потаенные конституции России

«ПОСЕВ»

2010

УДК 342.4 (47+57) (091)
ББК 67.3

Минаева Н. В.

Потаенные конституции России / Н. В. Минаева — «ПОСЕВ», 2010

ISBN 978-5-85824-193-5

Описание 11 проектов ограничения самодержавия, составленных в России в XVIII–XIX вв. как сторонниками, так и противниками власти, а также одного антисоветского документа 1942 г. Содержит полные тексты ряда документов и приложения на смежные темы. Книга может быть использована как учебное пособие для спецкурсов по конституционной истории России на исторических и юридических факультетах и привлечь широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 342.4 (47+57) (091)
ББК 67.3

ISBN 978-5-85824-193-5

© Минаева Н. В., 2010
© ПОСЕВ, 2010

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
1. Тайная конституция Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина (1762–1783 гг.) 9
2. Конституция Республики Семи Соединенных Островов (1799 г.) 15
3. Проект «Всемилостивейшей жалованной грамоты, российскому народу жалуемой» (1801 г.) 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Нина Минаева
Потаенные конституции России

Нина Васильевна **Минаева**
1929 – 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идеи сильной центральной власти и политического единства евразийской равнины пришли на Русь от монголов. Эти идеи были востребованы в московский период нашей истории, когда надо было мобилизовать все силы народа на защиту обширного, редко населенного пространства на западных, южных и восточных рубежах.

Однако сильная власть московских царей отнюдь не была неограниченной. Во-первых, наряду со светской властью царя стояла церковная власть патриарха и его нравственный авторитет. Во-вторых, для решения важных политических вопросов царь созывал «совет всея земли». Хотя это и было совещательное собрание, царь его рекомендациям следовал. И, в-третьих, значительной степенью самоуправления обладали местные миры, городские и сельские общества, церковные приходы. Они сыграли решающую роль в период междуцарствия ив 1612 г. добились прекращения смуты. Полгода «совет всея земли» заседал практически непрерывно, страна стала как бы республикой со столицей в Ярославле. Москва была взята, и в 1613 г. состоялись выборы нового царя, начавшего династию Романовых.

Реформы Петра Великого, во многом необходимые, нарушили равновесие властей Московской Руси. Патриаршество было отменено, соборы всея земли более не собирались, местное самоуправление зачахло под грузом административных поручений центральной власти. Петр объявил царскую власть неограниченной. В этот момент и восторжествовал в России абсолютизм.

И естественно, что вскоре начались попытки его ограничения, т. е. поиски конституции. Конституция – это основной закон страны, который ограничивает верховную власть, обеспечивает права граждан и определяет структуру главных учреждений государства. От других законов конституция, помимо ее содержания, отличается порядком ее принятия, затрудняющим ее изменения.

Поисками конституции в России занималась и сама царская власть, и ее противники. Ни те, ни другие проекты в свое время, в условиях цензуры, не публиковались, чтобы «не колебать устои». Отсюда и заглавие этой книги – «Потаенные конституции России». В книге описано 11 конституционных проектов (не обязательно отработанных текстов) с 1762 по 1881 г. Сюда входят и два проекта Александра I, и два проекта декабристов, и проект М.Т. Лорис-Меликова, окончательно утвержденный Александром II утром того дня, когда его убили террористы.

Вторая половина XVIII века и XIX век – время, когда в России сильно было влияние идей европейского Просвещения, и конституционные проекты отражают это влияние. Это же было и временем становления современной русской культуры, и конституционные проекты стали неотъемлемой частью этой культуры, хотя тоже и мерой ее неисполненных возможностей.

Как известно, реальную конституцию Российская империя обрела после царского манифеста 17 октября 1905 г. в виде Основных законов от 23 апреля 1906 г. Но в отличие от 1821 или 1881 г., когда конституция могла быть дарована царем по его собственной воле, Манифест 17 октября был у него вырван под дулом всеобщей забастовки в революцию 1905 г. Государственная Дума первых двух созывов оказалась не способной сотрудничать с правительством, и потребовалось изменение избирательного закона в июне 1907 г., чтобы добиться работоспособной Думы. Последовавший затем конституционный период империи до Первой мировой войны стал во многом ее самым успешным периодом. Но под покровом достигнутого в 1905–1907 гг. компромисса скрытое противостояние власти и оппозиции сохранилось. Оно вышло наружу после военных неудач 1915 г. Конфликт между царем и «Прогрессивным блоком» в Государственной Думе привел в итоге к падению монархии 2-го (15 н.с.) марта 1917 г. Царь, очутившись в полном одиночестве, не нашел должностных лиц, способных прекратить

уличные беспорядки в Петрограде, а пришедший после его отречения к власти «Прогрессивный блок» не справился с управлением страной.

Само по себе падение монархии в России не было событием из ряда вон выходящим: в то же десятилетие пали монархии в Китае, Австро-Венгрии, Германии и Турции. Во всех этих странах, как и в России, революционные требования можно свести к двум: гражданского равноправия и правления с согласия управляемых. Но в России произошло событие действительно из ряда вон выходящее – Октябрьский переворот. Он именно эти два требования отверг. В результате Россия получила каскад четырех советских «антиконституций». В первой, 1918 г., сказано:

«§ 9. Основная задача <…> Конституции <…> заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии и водворения социализма».

Провозглашается не только неограниченная диктатура, но и деление общества на два класса, один из которых господствует, а другой подлежит подавлению. Конституция 1924 г. в Декларации о создании Союза ССР отмечает, что этот Союз «открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем <…> и послужит решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Таким образом, СССР уже не Россия, а зачаток мирового социалистического правительства.

Сталинская Конституция 1936 г. исходила из того, что в СССР больше нет антагонистических классов: все вроде бы равноправны и согласно ст. 125 обладают обычным набором гражданских свобод, однако с оговоркой: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя».

А кто решает, что в интересах укрепления строя, а что нет? Ответ в следующей ст. 126, где сказано, что Коммунистическая партия представляет собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Основное отличие брежневской Конституции 1977 г. от сталинской в том, что слова о «руководящей и направляющей роли КПСС» перенесены из 126-й в 6-ю статью. Когда после попытки путча 19 августа 1991 г. деятельность компартии была прекращена, стало очевидно, что ее роль в советской конституции действительно была ключевой. Без нее Верховный Совет, с его широкими и неопределенными полномочиями («Вся власть Советам!»), оказался без руля и без ветрил, способным делать что угодно: играть и административную и судебную роль, смещать президента и менять конституцию. Отмена советской системы стала насущно необходимой, и 12 декабря 1993 г. Россия обрела, наконец, современную конституцию, следующую канонам государственного права.

Пока шла Гражданская война и на занятой красными территории действовала Конституция 1918 г., на территории, занятой белыми, продолжали действовать Основные законы 1906 г. Оттуда, в частности, взят титул А.В. Колчака – Верховный правитель. Расчет был на то, что после победы над большевиками Национальное собрание примет новую конституцию. Победа тогда не состоялась, но устройство свободной России после советской власти продолжало занимать умы. Проект конституции новой России предложил Карел Крамарж – первый премьер Чехословацкой Республики, инициатор «русской акции», давшей бывшим участникам белых армий возможность получить в Чехословакии высшее образование. Политические программы для будущей России, не претендующие быть проектами конституции, писались в эмиграции до, во время и после Второй мировой войны. Из таких документов военного времени наиболее известна «Схема Национально-Трудового Строя» (96 с.), писавшаяся в 1942 г. совместно эмигрантами и советскими гражданами и изданная типографским способом при православном монастыре в Ладомирово, в Словакии, в 1944 г. Для большинства жителей Советского Союза

этот и подобные документы тоже остались потаенными. Их анализ – отдельная тема, выходящая далеко за рамки настоящего труда. Но один из таких документов военных лет мы все же приводим в виде 12-й главы по двум причинам: во-первых, он до сих пор нигде не публиковался. И, во-вторых, его автор, Василий Васильевич Минаев – отец автора этой книги.

Б.С. Пушкарев

1. Тайная конституция Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина (1762–1783 гг.)

Екатерина Великая пришла на русский престол, используя конституционную идею. Именно от начала ее царствования ведет свой исток русская конституционная мысль. Одним

из условий возведения ее на престол братьями Орловыми и группой вельмож во главе с графом Никитой Паниным была своеобразная Конституция 1762 г., предусматривающая определенное ограничение абсолютной власти будущей императрицы и статус регентши при законном монархе – малолетнем наследнике Павле Петровиче.

Екатерина и ее фавориты Орловы пренебрегли этим условием, поддержав ее, как абсолютную монархиню. Но на ограничении самодержавной власти императрицы продолжал настаивать всю свою жизнь выдающийся государственный деятель – граф Никита Иванович Панин.

Автор первой потаенной конституции, Н.И. Панин заслуживает особой характеристики как основатель русской конституционной идеи.

Он родился в Данциге 18 сентября 1718 г. в родовитой дворянской семье. Его отец – генерал-поручик Иван Васильевич Панин – сенатор при Анне Иоанновне. Мать Никиты Ивановича – Аграфена Васильевна Эверлакова – племянница князя А. Д. Меншикова. Брат – Петр Иванович Панин – генерал-аншеф, сумевший поймать и пленить Пугачева.

История первой конституции неразрывно связана с биографией Н.И. Панина. Он начал службу вахмистром конной гвардии при Анне Иоанновне, быстро завоевал авторитет как независимо судящий человек. А при императрице Елизавете Петровне своими независимыми суждениями стал раздражать любимца императрицы – канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. И Панина поторопились услать за границу, на дипломатическую службу. Сначала он получил пост русского посланника в Дании, где пробыл с 1747 по 1749 г.

В чине камергера он был переведен в Швецию, где занимал пост русского посланника в течение 12 лет. В Шведском Королевстве, увлекшись изучением политической системы этого государства, Панин стал поклонником конституционной монархии, где власть шведского короля ограничена Императорским советом из нескольких влиятельных вельмож. Сблизившись с королевским домом, он стал участником придворной масонской ложи и разделял устав шведской масонской системы. Он одним из первых русских масонов, вслед за Иваном Перфильевичем Елагиным (сторонником масонства по английской системе), познакомился с главной книгой масонов «Книга конституций» Д. Андерсона, изданной еще в 1723 г. В этой книге были собраны все руководящие нравственные идеи европейского масонства, где уставы масонских лож назывались «конституциями».

Таким образом, идея ограничения королевской власти или вообще власти монарха связывалась с принципом Просвещения о нравственности и обязанности монарха делиться своей, неограниченной до того, властью с советниками, которые, руководствуясь масонскими принципами самоусовершенствования, должны стать мудрыми и нравственными советниками монарха.

Европейски образованный вельможа, однако, вскоре понадобился на родине. Назначенный императрицей Елизаветой Петровной воспитателем цесаревича Павла Петровича, Панин вынужден был вернуться в Россию, где в высших кругах общества было распространено масонство по английской системе.

Английское масонство восходит к истории династии Стюартов. Лондонская ложа – родоначальница русских масонских лож, основателем которых стал статс-секретарь Екатерины II И.П. Елагин. Эта масонская система также оказала влияние на политические настроения Панина. К этому моменту у него сложился ясный план конституционного преобразования абсолютной монархии в России по шведскому образцу. Цесаревич Петр Федорович не внушал уверенности в возможности править в Российской империи. И еще при жизни императрицы Елизаветы Петровны ее фаворит Иван Шувалов начал тайные переговоры с Паниным. А с момента воцарения императора Петра III Шувалов и Панин начали разрабатывать план об отстранении законного монарха Петра III и последующей передачи власти его наследнику великому князю Павлу Петровичу при регентстве его матери великой княгини Екатерины Алексеевны. В то время введенная в этот заговор Екатерина соглашалась на такое развитие собы-

тий. Она признавалась датскому посланнику в Петербурге барону Остену: «Предпочитаю быть матерью императора, а не супругой!»

Однако в ходе переворота в июне 1762 г. победила партия Орловых, которые поддерживали Екатерину в ее самых амбициозных намерениях. Они настояли на провозглашении ее абсолютной монархиней, облеченной неограниченной властью. Но пособничество Панина в заговоре не прошло даром. В манифесте о воцарении Екатерины по настоянию Панина было введено положение об «узаконении особых государственных установлений» – это было обещание императрицы ввести в России «твердые законы», т. е. конституцию. Автором подготавливаемой конституции выступил Никита Панин. Сама идея ее была навеяна масонскими документами. Тайна, которой окутан первый политический проект Панина, объясняется принадлежностью самого автора к масонскому движению. Первый конституционный проект Панин представил Екатерине еще в 1762 г. В основу его положен принцип государственного устройства Королевства Швеции, где власть монарха периодически ограничивалась представительным риксдагом.

Доклад графа Н.И. Панина, представленный Екатерине II вместе с текстом соответствующего манифеста, опубликован в Сборнике Императорского русского исторического общества – РИО (СПб., 1871. Т. VII. С. 200–221).

Кроме того, С.М. Соловьев рассмотрел этот проект в книге «Императорские советы в России в XVIII – перв. пол. XIX в.» (Пг., 1916. С. 67).

По конституционному проекту 1762 г. Панин предлагал создать Императорский совет из шести-восьми советников, при нем четыре статс-секретаря или министра для наблюдения за четырьмя департаментами: иностранных дел, внутренних дел, военного и морского департамента. Точку зрения Панина разделяла группа придворных: А.П. Бестужев-Рюмин, кн. Я.П. Шаховской, гр. М.И. Воронцов, Н.В. Репнин, Екатерина Дашкова, А.Г. Разумовский. Однако в ходе бурного обсуждения проекта Екатерина разорвала уже скрепленный ее подписью документ и бросила список его сторонников в огонь. Но идея конституции была заронена в сознание хотя и узкого круга, но образованного общества.

Следующая редакция Конституции Панина относится к 1773–1774 гг., когда наследник русского престола Павел Петрович достиг совершеннолетия, и вновь встал вопрос о передаче власти законному наследнику. К работе над этой редакцией был привлечен Д.И. Фонвизин, начавший сотрудничать с Паниным еще со времени совместной их работы в Уложенной комиссии в 1767–1769 гг.

Фонвизиным к основному проекту было написано обширное введение – «Рассуждение о непременных государственных законах». В основу этой редакции конституционного проекта положен проект 1762 г. Полностью редакция 1773–1774 гг. не сохранилась. Она была сожжена во время налета полиции, преследующей масонов, в доме брата Дениса Фонвизина – Павла Ивановича, в то время директора Московского университета. Удалось спасти лишь введение – «Рассуждение о непременных государственных законах», которое незаметно вынес младший из братьев Фонвизиных – Александр Иванович. Оно и сохранилось в библиотеке младшего Фонвизина и стало известно его сыновьям – будущим декабристам Михаилу и Ивану Александровичам Фонвизиным.

«Рассуждение…» основано на широкой просветительской аргументации и свидетельствует о разделении и Паниным, и Фонвизиным принципов французского Просвещения: главенства закона, разделения властей и др.

В проекте 1773–1774 гг. появился новый постулат по сравнению с предшествующей редакцией: все возрастающая роль дворянства как опоры государства. Этот принцип заимствован у Ш.Л. Монтескье. Императорский совет в этой редакции заменялся Верховным Сенатом, часть несменяемых членов которого назначалась «от короны», а другая избиралась «от дво-

рянства» – Дворянскими собраниями в губерниях и уездах. Сенату же передавалась полнота законодательной власти.

Эволюция взглядов Панина прослеживается и дальше. Во второй половине 1770-х гг. Панин читает и постигает труд Л.-К. Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», вышедший в свет в 1775 г. Сен-Мартен развенчивал просветительскую теорию естественного права, обосновывал новый взгляд на необходимость корректировки политических курсов государств, вступивших в полосу кризисов феодальных монархий. В этом отношении Сен-Мартен был предшественником Луи Габриэля Бональда и Жозефа де Местра – идеологов легитимизма, т. е. теории, обосновывавшей обновленную монархию в постфеодальном обществе. Эта теория особенно распространилась после Французской революции в странах, где еще сохранялся монархический режим.

Граф Панин добился большого, почти абсолютного влияния на наследника престола – великого князя Павла Петровича, который воспитывался в конституционном духе и большом уважении к масонству.

Свои идеи Панин воплотил в третьей редакции Конституции, где в наиболее полном виде выражены его искания.

Третья редакция Конституции Панина – Фонвизина датируется 1783 г. Хотя полного текста этого документа также не сохранилось, в архивах найдены две записки, написанные рукой великого князя Павла Петровича под диктовку умирающего учителя – графа Панина в ходе последнего их свидания. Это своеобразное «Завещание» Панина.

Одна из записок имеет заголовок «Рассуждение вечера 28 марта 1783 года». Это текст конституции, продиктованный Паниным своему воспитаннику. Он открывается положением о главной функции государства, обязанного обеспечить безопасность своим подданным. Далее развивается положение о разделении властей: законодательная власть отделена от власти, законы хранящей и исполнительной. Законодательная может быть в руках Государя, но с согласия государства; власть, законы хранящая – в руках всей нации; исполнительная – «под Государем».

В третьей редакции Конституции Никиты Панина повторяется мысль о роли дворянства, которое должно участвовать в государственной власти через Сенат и министерства.

Вторая записка посвящена министерской структуре и утверждению нового закона о престолонаследовании с «предпочтением мужской персоны». Этой второй запиской Панин убеждал наследника Павла Петровича в его законных претензиях на русский престол.

Сопоставляя содержание этих двух записок, написанных Павлом по следам последнего разговора со своим учителем, можно считать их последующей, третьей редакцией Конституции Панина – Фонвизина. Поиски полного текста этой третьей тайной конституции уводят в царский дворец (РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Бумаги Павла Петровича).

После убийства 11 марта 1801 г. ставшего императором Павла I его сын – новый император Александр I случайно обнаружил в его письменном бюро потайной ящик, где находились «важные документы». Издатель «Русской старины» М.И. Семевский нашел подтверждение этому факту: «Все бумаги Павла Петровича, – писал он, – после его насильственной смерти перепуганный сын его, ставший императором Александром I, поручил разобрать другу Павла Петровича князю Александру Борисовичу Куракину. Сам молодой царь обнаружил “собственную шкатулку” своего отца, наткнувшись на потайной ящик письменного бюро» *(Семевский М.И.* Материалы к русской истории XVIII века // Вестник Европы. 1867. Март. Год второй. Т. 1. С. 301).

Куракин собственноручно снял копию с этих документов и «озаботился оставлением у себя еще одной копии». Еще при жизни Павла I в дом Куракина в качестве секретаря был приглашен Михаил Михайлович Сперанский. Его внимание и необыкновенная тщательность в работе привели к тому, что Сперанский познакомился с «бумагами Павла Петровича». Оттуда,

по всей видимости, ведут свои начала идеи будущего великого реформатора о примате закона, принципе разделения властей и, наконец, об ограничении самодержавия в России.

Никита Иванович Панин задолго до революции во Франции с интересом изучал политические системы Западной Европы. Его внимание привлекли представительные органы власти в Великобритании, Швеции, Дании, Польше.

С октября 1763 г. Панину было поручено заведование Коллегией иностранных дел. Он слыл знатоком международной политики Европы. В течение двадцати лет Панин руководил российским внешнеполитическим ведомством. Он фактически стоял над вице-канцлером князем А.М. Голицыным.

Панину пришлось разрабатывать новую внешнеполитическую доктрину России, предусматривающую активную роль России после Семилетней войны и отражающую защиту национальных интересы России на Европейском континенте. В феврале 1764 г. он представил Екатерине II доктрину так называемого Северного аккорда.

В дальнейшем М. Корф поддержал и развил мысль графа Панина: «нельзя ли на Севере составить знатный и сильный союз держав против держав Бурбонского союза?» Дело усугублялось тем, что к этому времени сложился и укрепился союз южноевропейских государств: Франции, Австрии и Испании, основанный на общих религиозных, династических и политических связях. Панин стремился мирным дипломатическим путем усилить роль России на Европейском континенте: «…поставить Россию способом общего северного союза на такой ступени, чтобы она, как в общих делах, знатную часть руководства имела. Так особливо на севере тишину и покой нерушимо сохранять могла» (Цит. по кн.: *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 23).

Панину принадлежит идея пригласить в Северный союз Пруссию, Данию, Швецию и Польшу, в трех последних державах время от времени возобновляли работу представительные органы власти. Размышлял Панин и об Англии, чей парламентарный строй был ему наиболее близок. Признавая недостаточное влияние России в европейском мире, Панин рассматривал доктрину «Северного аккорда» скорее как средство, которое можно использовать в дипломатии. Французский посланник в Петербурге М.-Д. Буре де Корберон отмечал особые черты Панина-дипломата: «Величавый по манере держаться, ласковый, честный против иностранцев, которых очаровывал при первом знакомстве, он не знал слова “нет”, но исполнения его редко следовали за его обещаниями, и если, по-видимому, сопротивление с его стороны – редкость, то и надежды, возлагаемые на его обещания, ничтожны» (Письмо Корберона от 9 апреля 1778 г. // *Лебедев П.* Опыт разработки новейшей истории по неизданным источникам. СПб., 1863. С. 48).

Знаток внешней политики Ф.Ф. Мартенс считал проект Панина «доктринерством в политике» (Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. VI. С. 39).

В.О. Ключевский признавал достоинства и выгоду заключения «Северного аккорда» для России, но приходил к выводу: «Трудно было действовать вместе государствам, столь разнообразно устроенным, как самодержавная Россия, конституционно-аристократическая Англия, солдатски-монархическая Пруссия, республиканско-анархическая Польша» (Соч. М., 1989. Т. V. С. 39).

Исследователь начала двадцатого века П.А. Александров считает, что Панин позволил Пруссии сделать Россию орудием в защите прусских интересов (Северная система. М., 1914. С. 11).

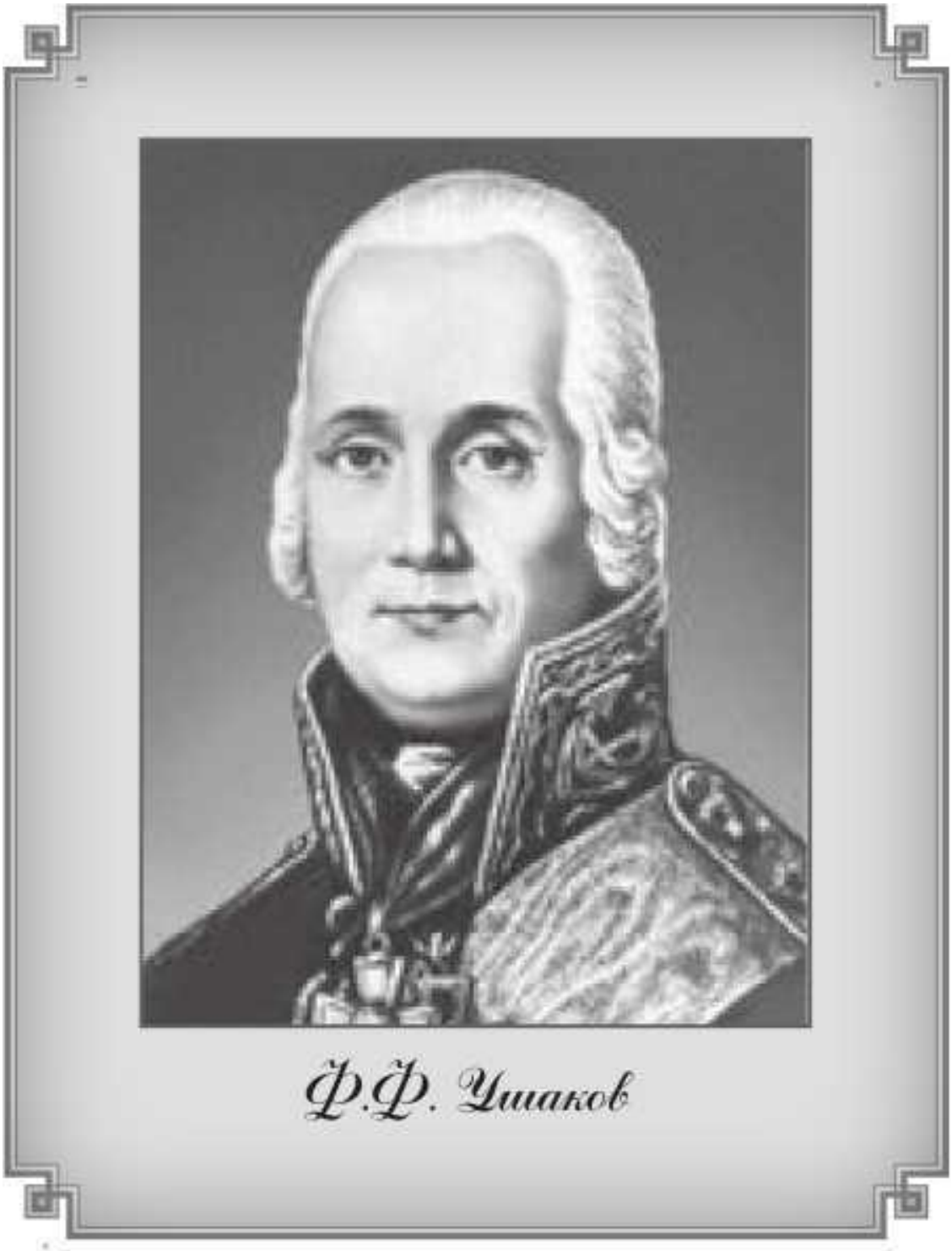
Наша современница Е.М. Миронова выделяет наиболее существенные шаги по оформлению Союза северных государств: договор с Пруссией – 1764 г., с Данией – в два этапа – в 1766 и 1769 гг., с Польшей – в 1768 и оборонительный союз Великобритании и Швеции – в

1765 г. (Складывание «Северной системы» Н.И. Панина в 60-е гг. XVIII в. // Вестник МГУ. Сер. История. 1999. № 6. С. 41–51).

Однако никто не обратил внимания на то, что «Северный аккорд» складывался параллельно с работой Панина над конституционным проектом. Рассмотрение «Северного аккорда» в контексте главной идеи Панина придает более глубокий смысл всему проекту. В политических системах северных стран в эпоху нарастающего кризиса феодальных монархий автор искал опоры и обоснования своего конституционного замысла.

В канун Французской революции, обнажившей глубокий кризис абсолютной монархии, Панин выступил с настойчивым требованием изменить форму государственного правления в России. Сторонник мирного решения вопроса, он стремился к торжеству закона, к установлению конституционной монархии, показав себя крупной исторической личностью своего времени.

2. Конституция Республики Семи Соединенных Островов (1799 г.)



Влияние Французской революции на все страны Европы было очевидным и поучительным. Екатерина II, отказавшаяся в 1775 г. поддержать Англию в ее борьбе с революцией в восставших североамериканских колониях, теперь вступила в коалицию с Англией и Австрией для

борьбы с последствиями революции во Франции. Развернувшаяся уже после ее кончины война России с Францией в 1798–1799 гг. с появлением Наполеона стала еще более решительной.

Новый император Павел I, напуганный революцией во Франции и одновременно не желающий придерживаться внешнеполитического курса Екатерины, прибегнул к противоречивому курсу, который позже А.И. Герцен назвал «деспотическим и революционным». В идеях Павла переплелись, казалось бы, несовместимые идеи: стремление к гегемонии в Европе, служение «общему благу» и попытка борьбы с революционной опасностью. Император Павел воспринимал Наполеона Бонапарта как борца с революцией и позволял себе высказываться в пользу Наполеона в то время, когда Россия в союзе с Англией и Австрией воевала против Франции. В Наполеоне он видел сильную личность и мог утверждать так: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне, в особенности, как противовес Австрии» (цит. по кн.: *Милютин Д.А.* История войны между Россией и Францией в царствование Павла I в 1799 г. СПб., 1852. Т. V. С. 498).

Участвуя во второй антифранцузской коалиции, Россия преследовала свои национальные интересы. Их выразителем стал адмирал Ф.Ф. Ушаков. Блестящий флотоводец и основатель Черноморского флота, он с 1790 г. командовал русской Черноморской флотилией. Ушаков успешно провел военную операцию во время Средиземноморской войны России в 1798–1799 гг. Одержав блистательную победу при острове Корфу в 1798 г., он взял на себя смелость провести на семи островах, освобожденных от французов, административную реформу, которая по существу была конституцией Республики Семи Соединенных Островов (1799 г.), находящихся под протекторатом России и Турции. Это были острова: Корфу, Кефалиния, Закинф, Левкое, Итака, Паксос и Китиру.

Ф.Ф. Ушаков проявил себя как выдающийся мыслитель своего времени. Учитывая современные конституционные веяния как результат разочарования во Французской революции, он, вопреки настояниям турецкого султана Селима III, попытавшегося присоединить острова к Османской империи, провозгласил на островах республиканский строй.

Ушаков разделял либеральные идеи Просвещения, был сторонником «истинной монархии» с ее разделением ветвей власти: законодательная власть отделена от исполнительной и судебной. Он разделял и убеждение Монтескье о том, что географически пространные государства должны сохранить монархию, а малые географические территории могут иметь республиканский строй. Он учитывал настроения местной элиты и исторические традиции. Еще в средние века на горном побережье Адриатики с центром в Дубровнике существовала Дубровницкая Республика, игравшая большую роль в транзитной торговле. Жители семи соединенных островов хранили в благодарной памяти этот исторический опыт, и Ушаков учел их настроения. Вместе с губернатором острова Кефалинии адмиралом графом А. Орно русский адмирал Ушаков составил «Предварительный план управления освобожденными от французов бывшими венецианскими островами». Документ назывался «Временным планом». В нем определялся государственный порядок островов.

Высшим органом власти становились Генеральные советы Семи Островов. В выборах участвовало дворянство и «цензовые второклассные». Из состава Генеральных советов избирался высший орган законодательной власти – Сенат. Сенат ведал финансами, армией и мог вносить изменения в конституцию. Сенат избирался членами Советов Семи Островов. Ежегодно половина состава Сената переизбиралась.

Исполнительная власть находилась в руках президента Сената, избираемого из числа сенаторов на полтора гола.

Нормы представительства в Сенате определялись по количеству избирателей и размеру островов. Корфу, Кефалиния и Закинф, как крупные острова, избирали по три депутата; норма представительства от сословий дворян и «второклассных» определялась также величиной островов.

Судебная власть принадлежала выборным трибуналам.

Ионические острова превращались в конституционную республику. Местное управление получал каждый остров. Все острова объявлялись Централизованным унитарным государством («Временные правила» опубликованы в кн.: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья. 1798–1807. М., 1961. Т. 11. С. 158).

Ушаков предпочитал среднюю линию и равновесие общественных сил во имя «Общего блага». Другой точки зрения придерживался русский посланник в Стамбуле В.С. Томара. Он отстаивал консервативно-аристократический вариант конституции. Противоборство этих двух сановников доказывало, что Федор Федорович Ушаков тонко улавливал изменившийся европейский мир и предложил конституцию, определяющую необходимость частичного приспособления к новому порядку в европейском послереволюционном мире.

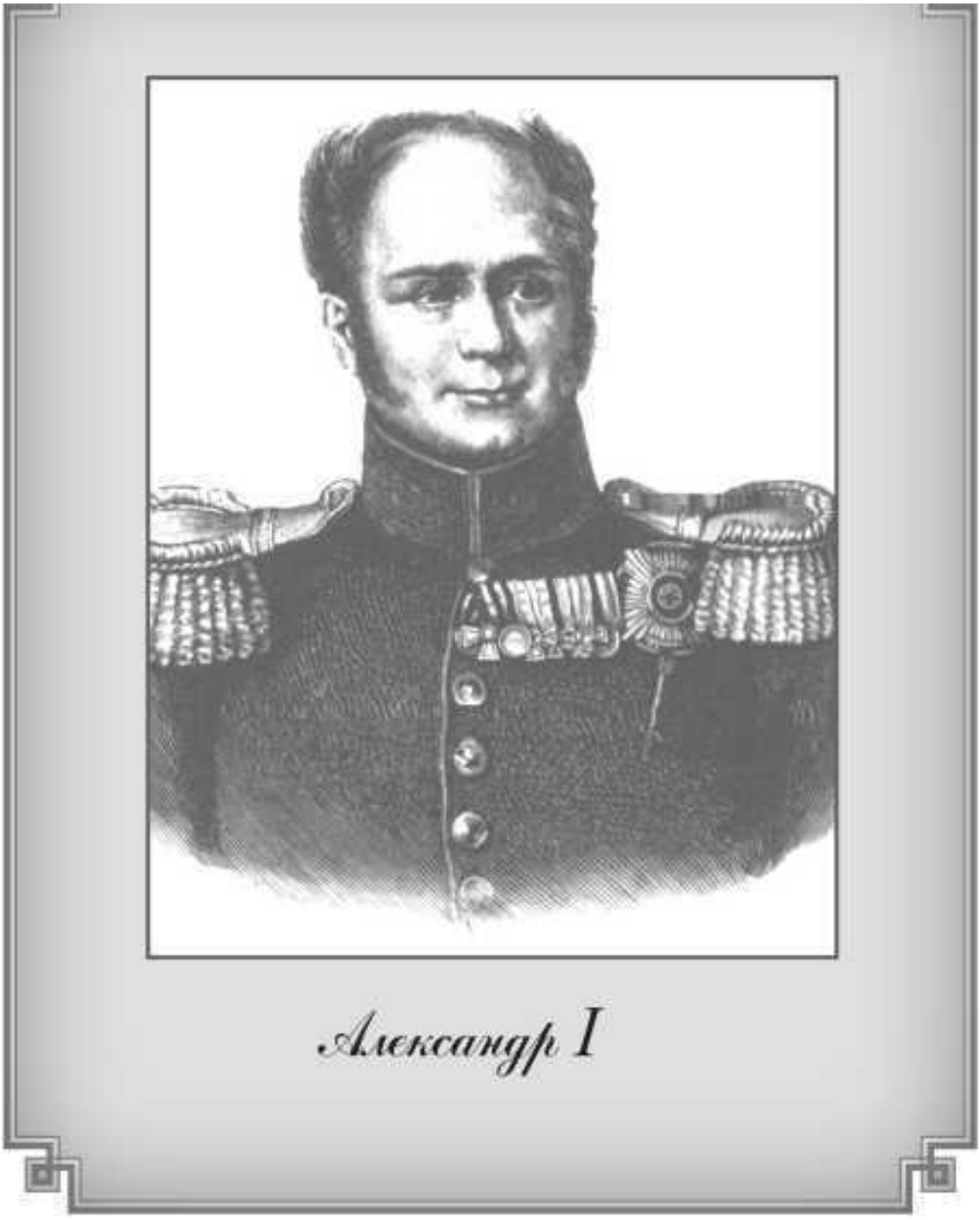
Политические права жителей семи соединенных островов определяют первые 30 статей. Активным избирательным правом пользуются: потомственное дворянство и так называемые второклассные, которые имеют определенное имущество и общую веру (православие). Специально было оговорено, что избирательным правом пользуются и те лица, которые преуспели «в науке, художествах и т. д.» и получили чиновное дворянство. Не получали избирательного права те лица, которые занимались «черным трудом», в том числе торговлей.

По предложенной Ушаковым Конституции Республики Семи Соединенных Островов Сенат должен был согласовать этот проект в Петербурге и Константинополе. «Временные правила» не были полностью реализованы. По настоянию Турции они были заменены «Византийской конституцией» 1800 г., восстановившей преобладание дворянства на Ионических островах. Тем не менее, «Временные правила» – Конституция Семи Соединенных Островов 1799 г., предложенная русским адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым, имела историческое значение.

Политика Российской империи на Ионических островах значительно усилила влияние этой державы в Средиземноморье, а «Временные правила» положили начало нового внешнеполитического курса России, который вполне открывал «конституционную дипломатию» Российской империи.

Кроме того, Конституция Семи Соединенных Островов продолжила историю русской конституционной мысли.

3. Проект «Всемилостивейшей жалованной грамоты, российскому народу жалуемой» (1801 г.)



Александр I

Конституционная идея пережила и графа Панина, и «Временные правила» Ионических островов и органически перешла в девятнадцатый век. Она укоренилась в сознании наиболее образованной части общества, имеющей длительные связи с Западной Европой. Выразителями ее стали вельможи графы Воронцовы. Их давние связи с императорской властью давали им право на самостоятельное мнение.

Граф Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) верно служил императрице Елизавете Петровне, стоял за санями, на которых еще цесаревной она въезжала в казармы Преображенского полка в ночь провозглашения ее императрицей. Он выгодно женился на двоюродной сестре императрицы – А.К. Скавронской и в 1744 г. был назначен вице-канцлером, а в 1758 г., когда А.П. Бестужева-Рюмина постигла опала, М.И. Воронцов получил пост канцлера. К новой императрице Екатерине II он отнесся враждебно, что и привело к его отставке с поста канцлера в 1763 г. Его племянники Александр Романович и Семен Романович Воронцовы были тоже оппозиционно настроены по отношению к Екатерине II.

Старший из братьев – Александр Романович (1741–1805) учился в Страсбургском военном училище, бывал в Париже и Мадриде и составил для дяди вице-канцлера описание испанского политического строя. Александр Романович обладал государственным умом, был одним из влиятельных сенаторов, занимал пост президента Камерц-коллегии. А в царствование императора Александра I занимал пост канцлера до своей смерти в 1805 г.

Его брат граф Семен Романович Воронцов (1744–1832) был блестящим военным. Он отличился в битвах при Ларге и Кагуле, много служил по дипломатической части, был полномочным министром в Венеции в 1783 г., в 1785 г. в том же ранге был переведен в Лондон. Он был умен и образован и пользовался большим влиянием, несмотря на разногласия с императрицей Екатериной II. Его положение давало ему преимущества высказывать свои взгляды и обращаться к императрице с политическими записками и предложениями.

Взгляды братьев Воронцовых в канун революции во Франции, в эпоху французского Просвещения, были оппозиционны по отношению к русскому абсолютизму. Имена французских просветителей были знакомы Воронцовым не только по их сочинениям – со многими из них они находились в личном контакте. А.Р. Воронцов был знаком с Вольтером, встречался с ним в 1757 г. при дворе пфальцграфа в Шветцингене, бывал гостем Вольтера в его поместье в Ферне в 1760 г. Вольтеровская библиотека Воронцова – одна из ценнейших в России.

Братья Воронцовы, усвоив некоторые идеи французского Просвещения, возглавили своеобразное русское просветительское течение – вольтерианство. Воронцовы осуждали абсолютизм Людовика XVI и Марии-Антуанетты, но и революцию не могли принять. В «Записке к графу А.А. Безбородко», который был другом Александра Романовича и в то время возглавлял Коллегию иностранных дел, Воронцов летом 1791 г. писал: «Сей перелом во французской конституции и все то, что им опрокинуто, заслуживает особого внимания Государей, дворянства» (Архив князя Воронцова. Т. 2. С. 501).

Отмена революционным правительством феодальных привилегий, сословных преимуществ дворянства и вся цензовая конституция 1791 г. – все эти нововведения Учредительного собрания Франции вызывали у А.Р. Воронцова и его корреспондента А.А. Безбородко отрицательную реакцию. Он выдвигал определенную политическую программу, созвучную тем положениям, которые вошли в «Пильницкую декларацию» 27 августа 1791 г. Этот документ стал свидетельством первой антифранцузской коалиции монархических правительств Австрии и Пруссии.

А.Р. Воронцов призывал канцлера Безбородко содействовать вступлению России в антифранцузскую коалицию. Он обращался с призывом ко всем монархам Европы издать декларацию, направленную против революции во Франции, консолидироваться с венским и иными дворами по охране королевской семьи Людовика XVI, покровительствовать королевской партии и разорвать дипломатические отношения с революционной Францией.

После казни Людовика XVI в январе 1793 г. отрицательная оценка Французской революции приобретает у Воронцова категорический тон. «Лучше быть соседями антропофагов, чем ужасной Французской республики… Лучше жить в Марокко, чем в этой стране мнимого равенства и свободы», – восклицал другой Воронцов – граф Семен Романович.

Их политическая программа исходила из полного отрицания революции как метода общественного преобразования. Но они и не желали сохранения старого режима абсолютной монархии. Их позиция не была чисто аристократической или олигархической. Свидетельством того может служить отношение графа Александра Романовича к своему сотруднику по Камерц-коллегии и Петербургской таможне Александру Николаевичу Радищеву. И это отношение во многом проясняет политическую позицию Воронцовых.

В фамильном собрании Воронцовых сохранилось большое количество рукописей Радищева. Это несомненное свидетельство близкого сотрудничества демократа Радищева и аристократа Александра Воронцова. Некоторые из автографов Радищева имеют следы правки и замечаний его патрона и покровителя графа Воронцова. Многолетняя переписка этих двух незаурядных личностей, не прерывавшаяся даже в годы гонений на «политического преступника» Радищева, – свидетельство человеческих отношений и нравственных норм той эпохи.

Александр Николаевич Радищев, изучавший историю, филологию и право в Лейпцигском университете, воспитанный на просветительской философии К. Гельвеция, Вольтера, Д. Дидро, Жан-Жака Руссо и Г. Мабли, был одним из самых образованных людей своего времени. Он вернулся на родину в 1771 г. Служба в Первом департаменте Сената скоро пробудила в нем критические настроения. Этот общественный протест особенно возрос после восстания Пугачева, свидетелем которого стал Радищев. В это время он занимал должность дивизионного прокурора в штабе девятой финляндской дивизии. Через его руки проходили дела беглых рекрутов, штрафных прокуроров. Перед ним открывалась бездна безысходной солдатчины, отупляющий ужас карательных экспедиций против народных движений. Выход в отставку стал неизбежным шагом в дальнейшей его судьбе.

С 1776 г. Радищев – чиновник Камерц-коллегии, председателем которой был граф Воронцов. Изучение экономической жизни страны, торговли ее с соседними государствами расширили экономические познания Радищева. Многочисленные поездки по стране открыли перед ним истинную картину состояния крепостного населения. Служебные отчеты читаются теперь как обличительные памфлеты. Радищев поднимает голос в защиту тех, кто «по принуждению должен оставить навсегда может быть дом свой… жену, детей и расстаться со всем тем, что делает приятности общественного сожития и узы крепит общества…» (Проект Радищева о податях, 1786–1788).

В этом вполне легальном служебном документе, поданном в Камерц-коллегию своему начальнику А.Р. Воронцову, обличаются и «прихоти начальства», и «местные правила». В дальнейшем сила его обличения разовьется до масштабов обличения всей государственной системы Российской империи. До призыва к уничтожению тирана-самодержца. Вершиной общественно-политической программы Радищева явилось его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». Над этим сочинением, которое сам Радищев считал «главным вопросом своей жизни», он работал с 1783 по 1790 г.

1783 годом датируется ода «Вольность», частично вошедшая в «Путешествие…»:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

Когда Радищев был осужден как политический преступник, А.Р. Воронцов выразил к нему симпатию и сочувствие. В письме к брату в Лондон он писал Семену Романовичу Воронцову: «Я не знаю ничего более тяжелого, как потерять друга, в особенности, когда не распространяешь широко свои связи… *Я* только что потерял, правда, в гражданском смысле, человека, пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы. Его предполагалось назначить вместо г-на Даля, и на этом поприще его помощь мне была велика. Это господин Радищев; Вы несколько раз видели его у меня, но я не уверен, что вы хорошо знали друг друга. Кроме того, он исключительно замкнут последние семь или восемь лет. *Я* не думаю, чтобы его можно было бы заменить; это очень печально. Не был ли он вовлечен в какую-то организацию? Но что меня, однако, более всего удивило, когда случившееся с ним событие стало широко известно, это то, что я в течение долгого времени считал его умеренным, трезвым и абсолютно ни в чем не заинтересованным, хорошим сыном и превосходным гражданином… он только что выпустил книгу под названием “Путешествие из Петербурга в Москву”. Это произведение якобы имело тон Мирабо и всех бешеных Франции» (ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 43. Лл. 432–435).

Всю ссылку Радищева сопровождали письма к нему графа А.Р. Воронцова. Он писал к губернаторам всех городов, через которые ссыльный Радищев следовал, желая облегчить его участь. Граф Воронцов взял под опеку малолетних сыновей Радищева и вел переписку об этом с братом Радищева Моисеем Николаевичем. История отношений Радищева с графом Воронцовым не ограничивается лишь личными контактами, но обнаруживает и определенную идейную связь.

Среди бумаг Радищева за 1790 г. в архиве А.Р. Воронцова имеется документ под названием «Вопросные пункты коллежскому советнику и кавалеру Радищеву». Самого сочинения крамольного Радищева в архиве Воронцова нет, но известно, что сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву» Воронцов хорошо знал. Представляет интерес сохранившийся в рукописном собрании А.Р. Воронцова «Разбор книги “Путешествие из Петербурга в Москву”», сделанный императрицей Екатериной II. Можно вполне допустить, что «Разбор» был важен для владельца не только как средство защиты Радищева, но и как материал для нападок на императрицу

Несколько страниц сочинения Радищева посвящено зверскому обращению помещиков со своими крепостными. Императрица замечает: «Суетное умствование». Воронцов возражает здесь же на страницах рукописи: «Он был царь. Скажи, в чьей голове может быть больше несообразности, если не в царской!» (Архив ЛОИИ. Ф. 36. Л. 67).

Одним из сочинений Радищева, написанных после ссылки, был «Проект гражданского уложения». В редактировании его участвовал А.Р. Воронцов. Сенатор вполне одобряет красноречивую формулировку защиты свободы личности в «Проекте гражданского уложения», заимствованную из английского законодательного акта «Habeas corpus act». Этот важнейший правовой акт английского законодательства XVI в., определяющий защиту свободы личности, позже вошел во «Всемилостивейшую жалованную грамоту, российскому народу жалуемую». Одна из статей этого документа гласила: «если человек арестован и ему не будет предъявлено обвинение в течение трех дней, он должен быть освобожден из-под стражи». Это положение о защите свободы личности – краеугольное в европейском законодательстве. Его введение во «Всемилостивейшую грамоту» отражало близость Воронцова и Радищева по ряду правовых вопросов.

Но были вопросы, которые никогда бы не сделали этих двух людей единомышленниками. Вопрос о помещичьей собственности на землю, о движимом и недвижимом имуществе приобретает для Воронцова особую остроту. Именно здесь проходит та грань, которая разделяет Воронцова и Радищева. В своих пометках на полях радищевских параграфов: «О правах вещественных, об имуществах и владении»; «О правах собственности», «О приобретении имений,

переходящих в распоряжение на случай смерти» Воронцов – крупнейший землевладелец России – предостерегает Радищева от слишком широкого толкования права займа для всех социальных категорий. Он предлагает Радищеву уточнение в праве «подарка» и поднимает голос в защиту наследственного права на помещичью собственность. «Чтобы лишить наследства, – замечает он на полях радищевского «Проекта», – должны быть вполне важные причины».

Однако уважение, которое Воронцов испытывал к демократу Радищеву, проявилось в уникальном памятнике конституционной мысли самого начала XIX в. – «Всемилостивейшей жалованной грамоте». Вопрос о причастности Радищева к работе над этим документом, принадлежащим перу сенатора Александра Романовича Воронцова, до сих пор дискуссируется.

Этика того времени вполне допускала, что за блестящими формулировками графа Н.И. Панина мог скрываться скромный секретарь Денис Фонвизин; за проектами сенатора Воронцова – чиновники Радищев или Сперанский. Круг приближенных царя исключал внимание к кому бы то ни было, стоящему за тем или другим политическим проектом. Имя же Радищева вообще не могло быть упомянуто. Он только что был возвращен из ссылки, занимал небольшую должность и стоял на слишком низкой ступени иерархической лестницы.

«Всемилостивейшая жалованная грамота» – один из первых документов, содержащих идею представительного правления. Задуманный как Манифест на воцарение Александра I, этот документ претерпел сложную историю, так и не был принят официально и остался в Государственном архиве. Он составлялся сенатором графом А.Р. Воронцовым еще до воцарения императора Александра I. Причастность А.Н. Радищева к авторству этого документа доказывается сопоставлением его с текстом «Путешествия из Петербурга в Москву» и более поздним его сочинением – «Описанием моего владения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.